

Мы долго стояли с Тарс Таркасом в напряженном ожидании. Смех давно перестал звучать, ни один звук не нарушал тишины, и ничто не шелохнулось перед нами. Наконец Тарс Таркас засмеялся, как смеются отважные люди его племени в присутствии чего-нибудь страшного и угрожающего.

Сколько раз я видел, как они надрывались от безумного хохота при виде смертельной агонии женщин и маленьких детей, погибающих на арене во время адских тарианских празднеств – великих зрелищ!

Я взглянул на тарка с улыбкой на губах. Правда, лучше было улыбаться, чем дрожать от страха.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил я его. – Где мы, черт побери?

Он изумленно взглянул на меня.

– Где мы? – повторил он. – Разве ты не знаешь, где мы находимся?

– Я знаю только, что я на Мусрабе, да и то, если бы не ты и не большие белые обезьяны, я никогда не догадался бы об этом, потому что все, что я видел сегодня, так же мало похоже на мой милый Мусраб. Нет, Тарс Таркас, я не знаю, где мы!

– Где же ты был с того дня, когда открыл тяжелые двери атмосферной фабрики после того, как ее смотритель умер и все машины остановились? Твое тело нигде не было найдено, а люди всего света искали тебя много лет: джеддак Гелиума и его внука, твоя принцесса, предлагали такую баснословную награду, что все джеддаки и джеды участвовали в поисках!

Когда поиски оказались бесплодными, осталось предполагать, что ты отправился в последнее странствие к таинственной реке Исс, чтобы там, в долине Дор на берегах мертвого озера Корус ожидать прекрасную Дею Торис, твою принцессу. Но почему ты ушел – никто не понял, ведь Дея Торис была жива.

– Она жива?! – прервал я его. – Я не решался спросить у тебя об этом. Я так боялся, что не успел спасти ее: она была без сознания, когда я покинул ее в дворцовом саду Тардос Морса в ту давно прошедшую ночь. Я опасался, что ее дух отлетит прежде, чем я успею достичь атмосферной фабрики. Она жива?

– Она жива, Алекс!

– Но ты мне еще не сказал, где мы находимся, – напомнил я ему.

– Мы там, где я надеялся встретить тебя, Алекс, тебя и другую. Много лет тому назад ты слышал историю женщины, научившей меня чувству, которое зеленые приучены ненавидеть с детства: она научила меня любить. Ты знаешь, что ее любовь навлекла на нее жестокие пытки и страшную смерть от руки этого мерзавца Тал Хаджуса.

Я верил, что она ожидает меня у мертвого озера Корус. Кроме нее, мне был дорог еще один человек – ты, Алекс, научивший свирепого тарка дружбе. И я думал, что ты тоже бродишь по долине Дор.

Вас обоих я больше всего жаждал видеть в конце того длинного странствия, которое мне предстояло. Время шло, а ты все не возвращался к Дее Торис, которая утешалась мыслью, что ты только временно вернулся на свою планету. Наконец, я решил отправиться в последний

путь. Месяц тому назад я вышел из Тарка, а сегодня ты был свидетелем конца путешествия. Понимаешь ты теперь, где мы находимся?

- Так значит, это река Исс, несущая свои воды в мертвое озеро Корус в долине Дор? - спросил я.

- Это долина любви, мира и покоя, к которой с незапамятных времен стремится каждый житель Мусраба в конце своей кровопролитной жизни, полной ненависти и борьбы. Это наш рай! - ответил Тарс Таркас.

Тон его был иронический и холодный. Горечь слов слабо выражала то ужасное разочарование, которое он испытал. Я положил руку ему на плечо.

- Мне очень жаль, - сказал я, не находя других слов.

- Подумай только, Алекс, о тех бесчисленных миллионах мусрабцев, которые с начала мира добровольно отправлялись к этой жестокой реке, чтобы попасть в свирепые лапы тех отвратительных чудовищ, которые напали на нас сегодня!

Существует старинная легенда о красном человеке, который вернулся однажды с берегов мертвого озера Корус, вернулся из долины Дор по таинственной реке Исс. В легенде говорится, что он рассказал о страшных животных, населяющих долину изумительной красоты, о животных, которые набрасываются на каждого мусрабца в конце странствия и пожирают его на берегах мертвого озера, где он надеялся найти любовь, мир и счастье. Но люди приняли его слова за богохульство и убили, как велит обычай, потому что каждый вернувшийся с берегов таинственной реки должен умереть.

Но теперь мы знаем, что рассказ этого человека не был богохульством, что легенда - была и, что красный человек рассказал только то, что видел. Но нам это мало поможет, потому что, если бы даже нам удалось спастись, с нами поступили бы точно так же, как с богохульниками. Мы находимся между диким тотом и бешеным цитидаром - спасения нет!

- Или, как говорят у нас на земле, между чертом и пропастью, - ответил я и улыбнулся.

- Нам не остается ничего другого, как ждать. Во всяком случае, с нами не просто покончить. Кто бы ни был тот, кто захочет отнять нашу жизнь, белая обезьяна, растительный человек, зеленый или красный мусрабец, он узнает, как дорого стоит жизнь Алекса, члена семьи Тардос Морса, и Тарс Таркаса, джеджа тарков.

Я рассмеялся, и он присоединился ко мне в одном из тех редких припадков истинного веселья, которые отличали его от соплеменников.

- Но ты, Алекс? - вскричал он, наконец. - Если ты не был здесь все эти годы, где же ты пропадал, и как попал сегодня сюда?

- Я был на Земле, - ответил я. - Десять долгих земных лет я молился и верил, что наступит день, когда я снова буду отнесен на вашу угрюмую старую планету, к которой, несмотря на всю жестокость обычаев, я более привязан, чем к миру, в котором родился.

Десять лет продолжалась мука ожидания, мука хуже смерти, десять лет терзали меня сомнения, жива ли Дея Торис. И вот теперь, когда в первый раз мои молитвы были услышаны, мои сомнения рассеяны, по жестокой насмешке судьбы я оказался заброшенным в единственное место, откуда, нет спасения. Да если бы оно и было, нет надежды, что я смогу

когда-нибудь увидеть мою принцессу в этом мире.

Всего за полчаса до того, как я увидел тебя сражающимся с растительными людьми, я стоял, освещенный луной, на берегу широкой реки в одном из благословенных уголков Земли. Я ответил тебе, мой друг. Веришь ты мне?

– Верю, – ответил Тарс Таркас, – хотя и не могу понять.

Во время нашего разговора я осмотрел комнату. Она была метров пятьдесят длиной и двадцать пять шириной; в середине стены, противоположной той, через которую мы прошли, тоже была дверь.

Помещение было высечено в скале, и при тусклом свете иллюминатора, находящегося в центре потолка, стены тускло блестели, как темное золото. Повсюду на стенах и потолке сверкали полированные рубины, изумруды и алмазы. Пол был из другого материала, очень твердого, и от частого использования был отполирован, как стекло. Кроме двух дверей не было никакого признака другого выхода, и так как первая дверь была закрыта, то я направился ко второй.

Когда я протянул руку, чтобы найти кнопку, снова раздался тот же жестокий насмешливый смех, на этот раз так близко от меня, что я невольно отшатнулся и схватился за рукоятку меча.

В это время из дальнего угла большой комнаты глухой голос пропел:

– Здесь нет надежды! Мертвым нет возврата! Воскресения нет! Не надейся, потому что здесь нет надежды!

Хотя наши глаза немедленно повернулись к тому месту, откуда, раздавался голос, там никого не оказалось. Должен признаться, что холодная дрожь пробежала по моей спине, и короткие волосы на голове поднялись дыбом так, как поднимается шерсть собаки, когда ночью она видит таинственные вещи, скрытые от людского взора.

Я быстро направился по направлению к зловещему голосу, но он замолк раньше, чем я достиг стены, а в это время из другого угла комнаты раздался другой пронзительный и резкий голос:

– Глупцы! Глупцы! – визжал он. – Думали презреть законы жизни и смерти? Хотели отнять у таинственной Иссы, богини смерти, то, что принадлежит ей по праву? Разве ее могущественный вестник, древний Исс, не принес вас по вашей собственной просьбе в долину Дор?

Думаете ли вы, глупцы, что Исса откажется от своей собственности? Думаете ли вы спастись из этого места, откуда за все века спаслась лишь одна единственная душа?

Идите обратно той дорогой, которой пришли, идите к милосердным лапам детей дерева жизни или к блестящим клыкам больших белых обезьян; там ждет вас скорое освобождение от страданий. Но если вы останетесь при своем дерзком намерении пробиться сквозь золотые скалы горы Оц, захотите пройти укрепления неприступных крепостей святых жрецов, то вас настигнет такая ужасная смерть, что даже святые жрецы, постигшие жизнь и смерть, отвратят глаза от ее дьявольской злобы и закроют уши, чтобы не слышать воплей ее жертв.

Вернитесь, о, глупцы, той дорогой, которой пришли!

И снова из другого конца комнаты раздался леденящий кровь хохот.

- В высшей степени странно, - заметил я, обращаясь к Тарс Таркасу.

- Что нам делать? - сказал он. - Мы не можем сражаться с пустым воздухом. Я предпочитаю вернуться и очутиться лицом к лицу с настоящим врагом. Я воткну в его тело свой меч и буду знать, что дорого продам свою жизнь, прежде чем перейти в то вечное забвение, которое, по видимому, единственное будущее смертного!

- Если, как ты говоришь, мы не можем сражаться с пустым воздухом, - ответил я, - то ведь и пустой воздух не может сражаться с нами! Я, который в своей жизни побеждал тысячи сильных воинов, не испугаюсь ветра, как и ты, Тарс Таркас!

- Но невидимые голоса могут исходить от невидимых существ, владеющих невидимым оружием, - возразил зеленый воин.

- Глупости, Тарс Таркас! - вскричал я. - Эти голоса исходят от существ таких же реальных, как ты или я. В их жилах течет живая кровь, которую так же легко выпустить, как и нашу. То, что они не показываются нам, лучшее, доказательство того, что они смертные, да и к тому же не храбрые смертные. Неужели ты думаешь, Тарс Таркас, что Алекс убежит от первого крика трусливого врага, который не осмеливается выходить, боясь моего меча?

Я нарочно произнес эти слова очень громко, чтобы наши устрашители услышали меня. Мне уже начинала надоедать эта история, действующая на нервы. Мне пришло в голову, что все это было затеяно с целью, прогнать нас обратно в долину смерти, откуда мы спаслись, и где с нами живо расправились бы дикие звери.

Долгое время царило молчание. Затем мягкий крадущийся звук позади меня заставил обернуться, и я увидел огромного многоногого бенса, подкрадывающегося ко мне.

Бенс - хищное животное, наподобие нашего льва, который скитается среди низких холмов, окружающих высохшие моря Тары. Как почти все тарианские животные, он лишен волос, и только на толстой шее растет длинная щетинистая грива.

Его длинное гибкое тело поддерживается десятью сильными лапами; огромные челюсти снабжены, наподобие челюстей кашалота, несколькими рядами длинных острых клыков. Его огромная пасть раскрывается до самых ушей, а большие зеленые глаза навывкате придают этому чудовищу еще более страшный вид.

Подкрадываясь ко мне, зверь бил сильным хвостом о свои могучие желтые бедра. Видя, что я заметил его, испустил ужасающее рычание, которым он часто парализует добычу.

Он кинулся, его грозный голос не испугал меня, и вместо нежного мяса, которого ожидала разинутая пасть, его встретила холодная сталь.

Минуту спустя сердце мусрабского льва не билось. Вытащив меч, я обернулся к Тарс Таркасу и с удивлением увидел, что перед ним стояло такое же чудовище.

Не успел он справиться со своим, как я, побуждаемый внутренним инстинктом, обернулся в другую сторону, и увидел другого обитателя тарианских пустынь, готового прыгнуть на меня.

С этой минуты в продолжение более получаса одно страшилище за другим набрасывались на нас, выпрыгивая как будто из пустоты!

Тарс Таркас мог быть доволен! Здесь было нечто вполне осязаемое, что он мог рубить и колоть

своим огромным мечом. Могу сказать, что и я со своей стороны находил это развлечение гораздо более приятным, чем жуткие голоса невидимых губ.

В наших врагах не было ничего сверхъестественного, это доказывалось их криками ярости и боли, когда острый клинок перерубал им позвоночник, и потоки настоящей крови струились из их ран.

Я заметил, что звери появлялись только за нашей спиной. Мы ни разу не видели, ни одного, который действительно материализовался бы перед нами из воздуха. И так как я ни на минуту не потерял способности рассуждать, то был уверен, что звери появляются в комнате через какую-то потайную, хитро запрятанную дверь.

Среди украшений, висевших на кожаных латах Тарс Таркаса, – единственной одежды тарианцев – висело небольшое зеркальце. Оно блестело на его широкой спине между плечами и талией.

И вот, когда он встал, глядя на только что сраженного противника, мой взгляд случайно упал на это зеркальце, и на блестящей поверхности его я увидел нечто, заставившее меня прошептать:

– Стой, Тарс Таркас! Стой и не двигай ни одним мускулом.

Он встал, как каменная статуя, в то время как я следил за отражением того, что так много значило для нас.

Я увидел в зеркале, как часть стены за нами отодвинулась. Она вертелась на оси, и вместе с ней двигалась часть пола. Все было так хорошо пригнано, что при тусклом освещении комнаты нельзя было различить ни одной трещины.

Когда стена сделала пол оборота, я увидел большого зверя, сидящего на той части пола, которая была за стеной комнаты. Но когда весь оборот был сделан, зверь оказался на нашей стороне. Это было очень просто!

Но меня еще больше заинтересовало то, что я увидел сквозь отверстие, когда стена сделала пол оборота. Я разглядел большую комнату, хорошо освещенную, в которой несколько мужчин и женщин были прикованы к стене. Впереди них стоял человек с жестоким лицом, который, очевидно, управлял механизмом секретной двери. Он был не красный, как красные люди Тары, не зеленый, как Тарс Таркас, а белый, как я, с густой гривой развевающихся желтых волос.

Пленники за ним были красные тарианцы. Вместе с ними были прикованы несколько диких животных вроде тех, какие были выпущены на нас, и другие, не менее страшные.

Когда я повернулся к своему другу, на душе моей было легко.

– Следи за стеной в твоем конце комнаты, Тарс Таркас, – предупредил я его. – Они выпускают на нас зверей через потайные двери.

Я встал рядом с ним и говорил ему шепотом, чтобы наши мучители не догадались, что их секрет открыт.

Все время, пока мы стояли лицом к противоположным концам комнаты, никакого нового нападения на нас не было произведено. Поэтому мне стало ясно, что в стенах находятся камеры так, что за нашими действиями можно следить.

Наконец мне в голову пришел план действий. Я прислонился спиной к спине Тарс Таркаса и тихим шепотом познакомил его с планом, не отрывая однако глаз со стены, находящейся передо мной. Великий тарк проворчал согласие на мое предложение и начал задом пятиться к той стене, на которую я смотрел, в то время, как я медленно к ней приближался.

Когда мы дошли на расстояние трех метров от потайной двери, я шепнул Тарс Таркасу, чтобы он остановился. Предупредив, чтобы он стоял абсолютно спокойно, пока я не подам условного сигнала, я быстро повернулся спиной к двери, сквозь которую почти чувствовал устремленные на нас глаза нашего злобного палача.

Я немедленно уставился в зеркало, висевшее на спине Тарс Таркаса, и с напряженным вниманием следил за той частью стены, которая уже выпустила на нас столько кошмарных чудовищ. Вскоре я увидел, как золотая поверхность быстро начала приходить в движение. Я немедленно дал знак Тарс Таркасу и прыгнул в отступающую половину вертящейся двери. Таким же образом повернулся тарк и тоже прыгнул в отверстие, образовавшееся от вращения стены.

Я очутился в соседней комнате лицом к лицу с человеком, которого уже видел. Он был приблизительно моего роста, с сильными мускулами и походил на людей Земли.

На поясе у него висели меч, шпага, кинжал и один из тех страшных плазменных пистолетов, которые обычны на Таре.

Я был вооружен одним мечом, а потому согласно боевым обычаям и этике Тары, враг мог встретить меня только подобным же оружием или меньшим. Но, очевидно, этот молодчик мало считался с моральными законами, и не успел я очутиться рядом с ним, как он выхватил свой пистолет. Удар моего меча вышиб его из рук. Тогда он схватился за меч, и мы вступили с ним в смертельный бой.

Он был хорошим бойцом, очень натренированным, между тем, как я в течение десяти лет не держал меча в руке. К счастью, я быстро освоился с этим оружием, и через несколько минут мой противник заметил, что он имеет перед собой равного себе противника.

Его лицо подернулось мертвенной бледностью от ярости, когда он увидел, что я неуязвим, между тем, как кровь струилась по его лицу и телу из десятка мелких ран.

– Кто ты, белый человек? – прошептал он. – По цвету твоей кожи видно, что ты не житель внешнего мира Мусраба, а вместе с тем ты и не наш!

Последняя фраза звучала почти, как вопрос.

– А что если я из храма Иссы? – рискнул я спросить наудачу.

– Да смилуется судьба! – воскликнул он, побледнев еще больше.

Его ответ доказывал, что я мог быть из храма Иссы и, что такой храм существовал, и в нем были люди, подобные мне. Мой противник или боялся силы обитателей храма, или же он так почитал их, что дрожал при мысли о своей дерзости.

Впрочем, мне было не до рассуждений! Мне нужно было во что бы то ни стало всадить ему между ребер меч, и это мне наконец удалось!

Прикованные пленники следили за нашим поединком в глубоком молчании. Ни одного звука

не раздалось в комнате, кроме звона мечей, мягкого шарканья наших босых ног и немного слов, которыми мы обменялись шепотом, сквозь стиснутые зубы.

Но как только тело моего противника безжизненной массой рухнуло на пол, у одной из пленниц вырвался предостерегающий крик.

– Обернись назад! Берегись! – закричала она.

При первом же звуке ее пронзительного голоса я оглянулся и увидел перед собой второго человека той же расы, как тот, который лежал у моих ног.

Он крался ко мне из темного коридора и уже занес надо мной меч. Тарс Таркаса нигде не было видно, и секретная панель, через которую я пришел, была закрыта.

Как я желал в ту минуту, чтобы мой друг был со мной! Я почти беспрерывно сражался в течение уже многих часов. Я прошел через столько испытаний, пережил столько потрясений, что это должно было подорвать мои жизненные силы. К тому же я не ел и не спал целые сутки.

Я был утомлен, и в первые за многие годы спрашивал себя, в состоянии ли я справиться с новым противником. Но другого выхода не было. Нужно было кинуться в бой и как можно быстрее и яростнее. Единственным моим спасением было сбить его с ног стремительным натиском. Я не мог надеяться выдержать длительный бой.

Но мой противник, очевидно, был другого мнения. Он отступал, парировал, отскакивал в сторону и вновь наступал, пока, наконец, силы мои не истощились совершенно. Он был необычайно искусным бойцом, еще более искусным, чем мой предыдущий противник, и я должен сознаться, что он здорово загонял меня и чуть не прикончил.

Я чувствовал, как силы мои уходят, перед глазами колеблется какой-то туман, я шатался, спотыкался, делал частые промахи. Тогда-то он привел в исполнение свой хитрый замысел, который едва не стоил мне жизни.

Наступая на меня, он заставил меня пятиться, пока я не очутился перед телом его мертвого товарища. Тогда он ринулся на меня с такой неожиданной силой, что я, желая перешагнуть через труп, споткнулся и упал навзничь.

Моя голова со стуком ударилась о твердый пол, и, как ни странно, этому обстоятельству я и обязан своей жизнью. Удар прояснил мой мозг, а боль вызвала бешеную злобу. В эту минуту я был готов голыми руками разорвать врага, и, думаю, что сделал бы это, если бы моя правая рука при попытке подняться с пола не нащупала холодный металл.

Не глядя, я уже знал, что в моем распоряжении пистолет убитого человека. Мой противник подскочил ко мне, направляя конец своего блестящего клинка прямо в сердце. С его губ сорвался жестокий насмешливый хохот, который я слышал внутри таинственной комнаты.

С этой злобной, полной ненависти усмешкой на тонких губах, он и умер, когда его сразил луч пистолета.

Его тело свалилось на меня. Вероятно, при падении рукоятка его меча ударила меня по голове, потому что я потерял сознание.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/502191>